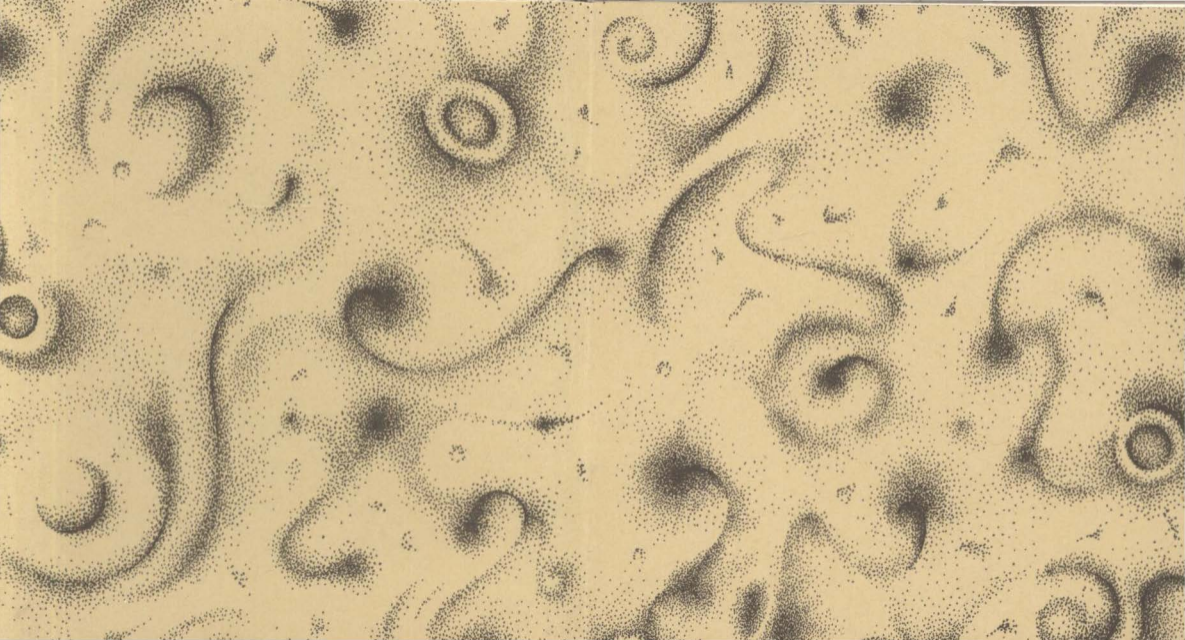

МИРЫ...

Поздрав - пожелание счастья

The illustration is a complex geometric composition. It features a central square frame containing the Russian text "МИРЫ, КОТОРЫХ НЕТ" (Worlds that do not exist). This central square is surrounded by a dense, overlapping pattern of various geometric shapes, including triangles, quadrilaterals, and polygons. Some of these shapes are filled with a fine stippled or dotted texture, while others are empty. The overall effect is one of a fragmented, multi-layered space, possibly representing a complex mathematical or philosophical concept. The background of the entire page is a light, off-white color.

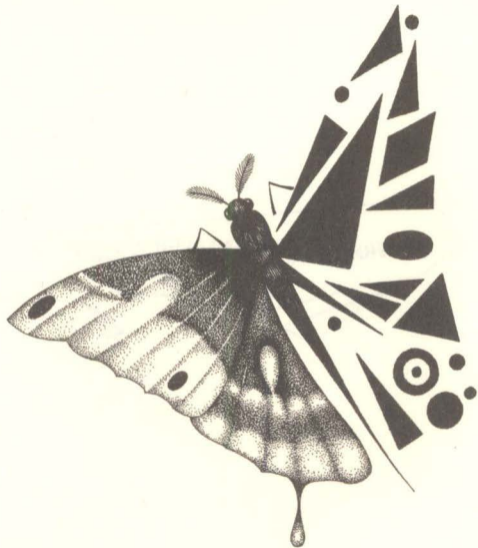
МИРЫ, КОТОРЫХ НЕТ

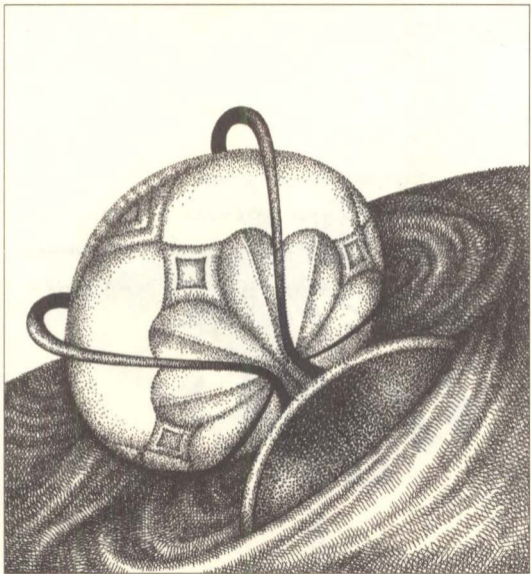
МАЛЕНЬКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ

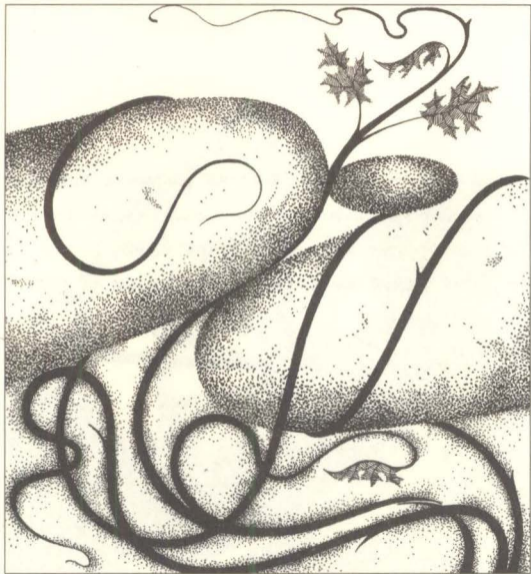
РУБАЙЯТ

Соткала луноликая пери ковер,
Щедро сердца рубины влетала в узор;
Тщетно ткань мудрецы на клубки размотали,
Так понять не смогли, где ковер, где узор...

Этот мир — что трактор на распутье времен;
Этот мир — будто мир на исходе хмельном;
Человек — это кем-то забытая чаша,
То, что можно вместишь между краем и дном.

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не вкусив наслажденья, —
Жалко жизни, которая мимо прошла.

Омар Хайям
(пер. Г. Плещинского)

Жалко жизни, которая мимо прошла;
Жалко жизни, что мимо той жизни прошла;
Жаль себя, что жалею о прожитой жизни...
Да и не было жизни, что мимо прошла.

Жалко жизни, которая мимо прошла;
Жалко смерти, которая мимо прошла;
Я был счастлив принять все, что мимо проходит:
Принял жалость... которая мимо прошла.

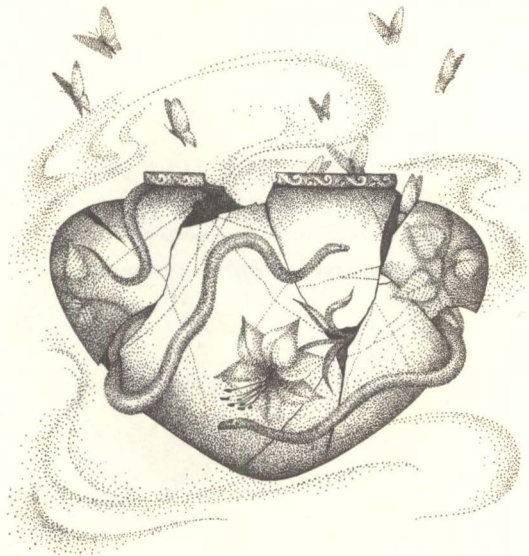
Как я в юности жил, не жалея себя,
Как страдал и любил, не жалея себя...
Вот и стал стариком, и от жалости жалкой
Даже жалко жалеть, не жалея себя.

Я в колодець души поглядеться боюсь;
Высоко в небесах отразиться боюсь;
Будто мошка в прекрасном саду Мирозданья,
Я из щели на свет показаться боюсь.

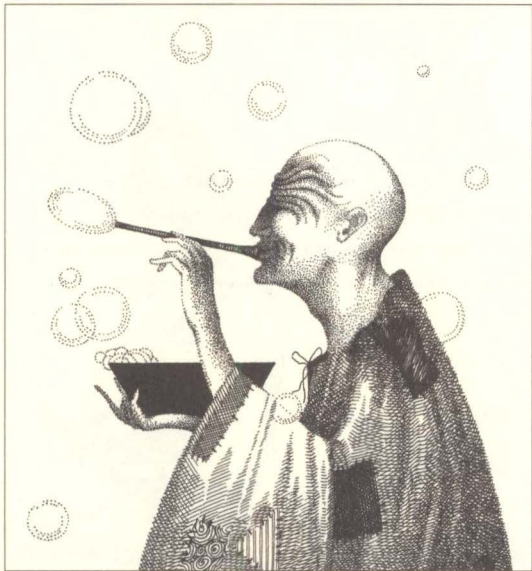
Туча солнце затмила — стущается мрак,
В сердце меняю вползают сомнения и страх...
Солнце Землю купает в божественном свете,
Где-то льются дожди, где-то слышится плач...

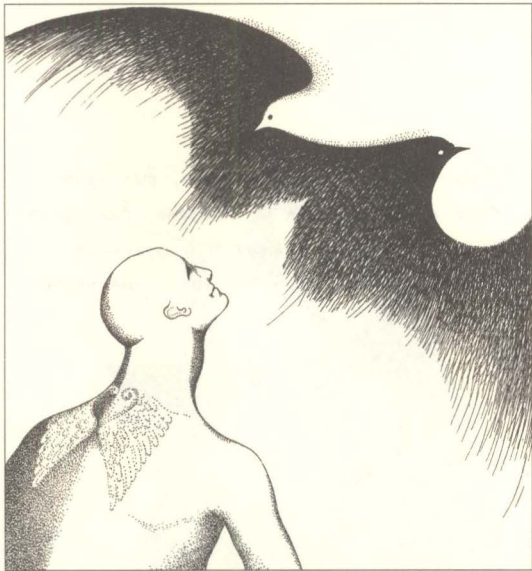
Что за странная тайна — людская душа:
То ли горький афюн, то ли птица Хумай;
То летит сквозь века, как мечта — серебрыла,
То дурманом застынет веков на века.

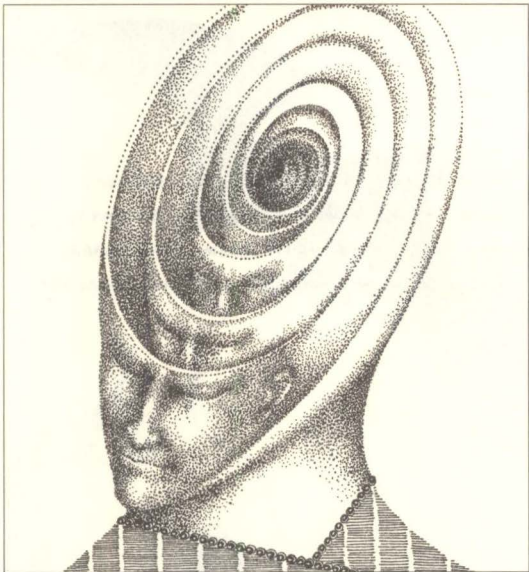
На ковре, что мне тайно сплетает судьба,
Пьяным рингом пою от утра до утра.
И к чему мне богатства, иль власть, или слава?!
Я лишь светлая нить на рисунке ковра!

Меня казий судил и, наверно, был прав;
Меня мѹфтий судил и, наверно, был прав;
На майдане судили меня и в трактире...
А я счастливо жил и, наверно, был прав!

Если Истину я повстречал и взлетел,
Если сердце любимой согрел и взлетел,
Это счастье на языке поет, вспоминая,
Как диковинной птицей я в мир прилетел.

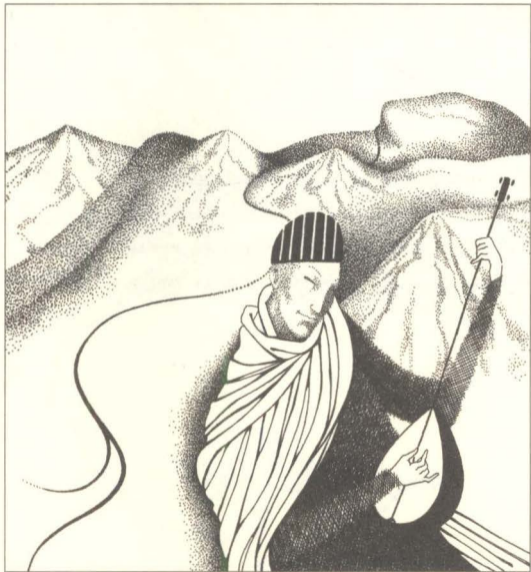
Я, в воде отразившись, узнал не себя;
Глядя в зеркало судеб, узнал не себя;
А когда повстречал я себя на дороге,
Пригляделся поцумше — узнал не себя!

Я бы мог и летать, и красавиц любить,
Чашу жизни в рубиновой влаге топить:
Отмеряет мне щедро вина виночерпий,
Только... чаша вмещает, что может вместить!

Что такое любовь, я спросил у нее,
Той, что в судьбы влетает небес серебро,
Той, что нежно в ответ звездной пряжи коснулась
И, как струны, погладила сердце мое.

Я на праздник любви к лунолицой спешил,
Второпях свое сердце средь скал обронил,
Доскакал до подружки, чтоб петь о любви ей,
Отчего-то задел лишь про камни да пыль.

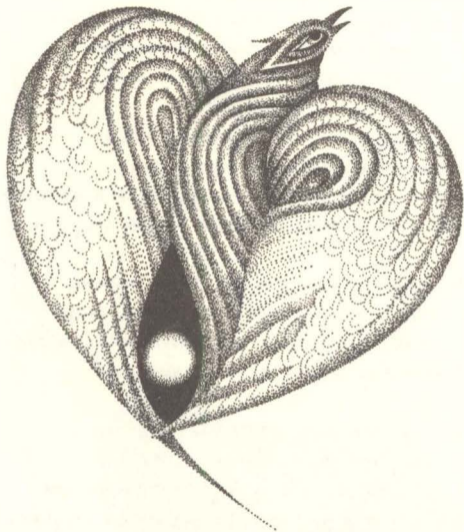

Деву гордую я угодоблю луце,
Что так царственно светим в ночной тишине,
Что красцется томно в своих отраженьях
И с тоскою взирает на солнечный свет...

Дева страстная — это бурлящий поток,
Что вспеняет прекрасное зеркало вод,
Что в щемее воспарить низвергается в пропасть,
Лишь на миг пролетая сквозь радуги свод...

Дева знанья — сокровищниц, блеск золотой,
Тем горда, что сверкает, как солнца огонь.
Тем слепа, что горда... Тем тускла, что ослепла...
И в незнании знанья живет неживой...

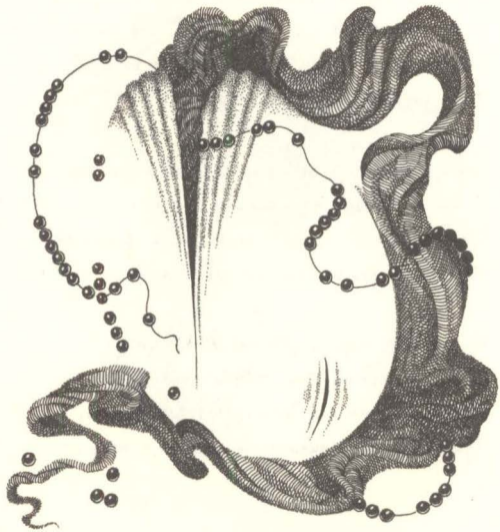
Отчего ж в зеркала мои смотрится мрак,
А не радуга-пери в небесных огнях?
Я ведь видел ее... Только где — не припомню:
В миражах ли, во снах, во влюбленных сердцах...

Скорбь и горечь полнят мой сосуд до краев,
Плачу я: «О, Аллах, где найти мне Любовь?..»
Словно капля дождя в бесконечный колодезь,
Улетаем ненужное слово мое...

Солнце тонет в вершинах сверкающих гор,
Я пою о Любви, где найти мне ее? ...
Как душистый цветок опьяненных жасминов,
Мое слово уносит жемчужный поток...

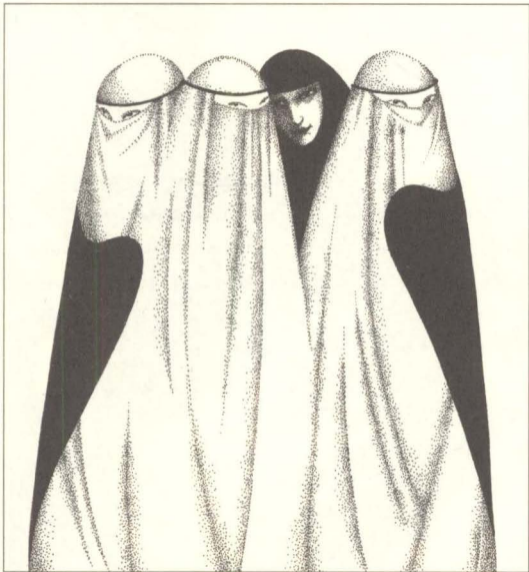
На закате судьбы даровал мне Господь
Восхитительный миг — я увидел Любовь:
Златоликкая птица из сердца вспорхнула,
Удивленно взглянула — и канула в ночь...

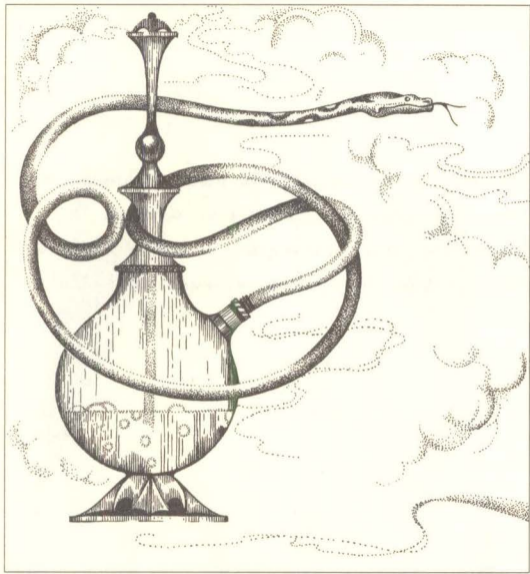
На струящийся шелк моих песен и снов
Белых роз лепестки рассыпает Любовь,
Черный жемчуг и лалы палачи не жалеем,
Чтобы стал драгоценней и ярче мой шелк.

Бог и Дьявол наш мир поделили вконец;
Жаждет рая и ада страшится глупец;
Но в аду и в раю в свете солнца Господня
Дьявол — тень, отчеркнувшая жизни венец.

Птица нежная сладко мне пела: «Потом...»;
Птица мудрая лишь обронила: «Потом...»;
Птица счастья взглянула... и вгаль улетела;
Черных крыльев объятая шепнула: «Сейчас!»

Я вдыхаю туман, мне туман нашенгал
Про безумствия власти и страсти дурман,
Про восторг обладанья и обморок славы...
Ах, скорей бы мне выдохнуть этот туман!

Вечность времени сеть хитроумно сплела:
Век летит, словно миг, миг течет, как века.
Сколько тайных силков в зеркалах воображенья,
Сколько огненных птиц бьется в этих силках!

По троне винных лоз до трактира фарсанг;
По троне белых роз до любимой фарсанг;
И по звездной троне, где мгновение — вечность,
До себя и до Бога всего лишь фарсанг!

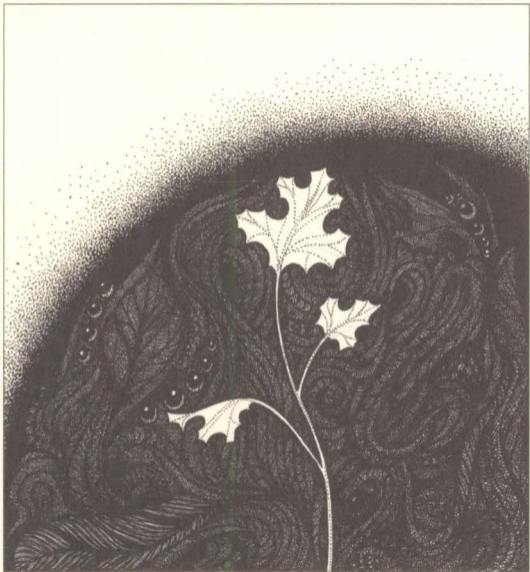
Мой секрет очень прост: почитаю лозу,
Нежной розой цветущ у любимой в саду,
Чтоб жемчужиной стать, я в глубины ныряю,
Чтобы птицей взлететь, с соловьями пою.

Соль земная меня не удержит в плену,
Я — вода: отраженьями мира плыву,
Я — и ветер: лезу, ничего не имея,
Я — огонь: среди лиц мироздания горю.

Мой секрет — не секрет, это счастье поет,
Мой поток — не поток, это счастье поет,
Мой полет, мой огонь назову ли своими?
Я — не я, это Мир, это счастье поет.

Если вы хотите
найти что-нибудь в этой книге,
то этого здесь нет...

1...

Я зачем-то пою, вряд ли кто-то услышит,
Просто птицы, взлетев, потянулись на юг,
И охряный закат манит золотом листья,
И лиловая ночь замыкает свой круг.

Моих песен струну украшают цветами
Заблудившийся плющ и влюбленный жасмин,
В моих песнях звучат и зурна, и кифара,
И незримая нить вдохновенной судьбы.

Моих песен мотив сладострастный и пряный
Льют измененный жаждой тропический дождь,
Напоенные летом колынные травы,
Маслянистые тени оливковых рощ.

Как сверканье камней на перстнях у Майи,
Моих песен дары блещут сотнями тайн,
Словно времени сон на гранатовых лалах
Иль слезою обнявший мигновение янтарь,

В них трепещет огонь, будто пульс Мирозданья,
Будто звездная пыль на юпитре Творца
Отразилась стократ в зодиаковых тайнах
И дрожащую искрой упала в сердца.

И зачем я пою? Вряд ли люди слышат...
Просто сердце горит и взмывается ввысь,

Где в сиянии солнца кто-то радугой дышит
И на крыльях заката над миром парит.

Что такое любовь — это знаю я точно,
Мне с моей сединой как же это не знать!
Тут возьми и спроси меня юная дочка,

Я раскрыл было рот...

да застряли слова,

Я хотел было сказать —

только сердце молчало,

Мне хотелось взлететь —

только не было крыл...

Дочка тихо вздохнула, взглянула печально...

И, как птичка,

вспорхнула в небесную синь.

ПУТЬ

Ах, пройти б дорогой неба,
Что рассвет рисует мне,
Окунув в ночью негу
Кисть косяю журавлей!

И взлечем бы в звездной пыли,
В клеточанье стая мой,
Стать бы тоньше белых лилий,
Зыбче глади голубой!..

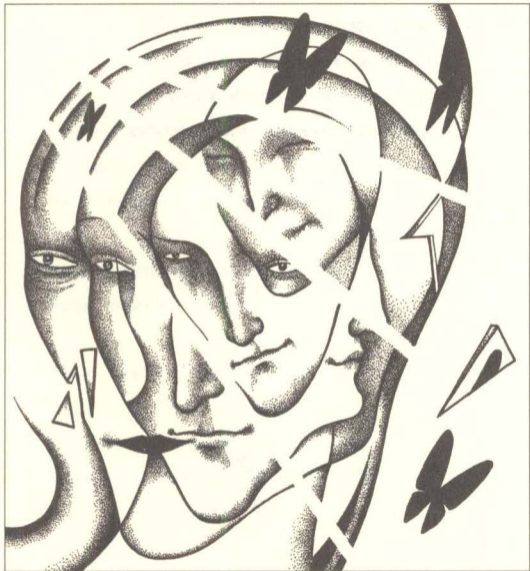
Только в горле стынет песня,
Будто крик в плену у скал —
Мне Судеб суровый Крестник
Крылья накрест спеленал.
И что в пропасть, и что ввысь мне —
Не порвать незримых нит...

Но, склонясь, сложу все мысли,
Пред твоей чертою, Путь.

Знаю, сквозь печати мрака
Там, где Огонь творит миры,
Ты мне явлен Божьим Знаком,
Знаком истинной Любви.

Знаю, среди бледных лилий
Журавлей застынет крик...
Я взлечу, расправив крылья,
В светлой бездне тайн твоих.

СОН

Мне назначено жить в королевстве,
В зазеркальном владенье теней,
За чертою забытого детства,
В запыленном стеклянном сне.

Я — актер на заброшенной сцене,
Капля страсти от чьих-то страстей,
Миг видения в чьих-то виденьях,
В запыленном стеклянном сне.

Отражаюсь слепым отраженьем,
Малым звуком плыву в тишине...
Я лишь бабочка света и тени
В запыленном стеклянном сне.

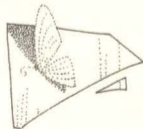
Взмах крыла — и я бледная нежить,
Взмах — я маковый цвет по весне,
Взмах — я богом забываемая нежность
В забыленном стеклянном сне.

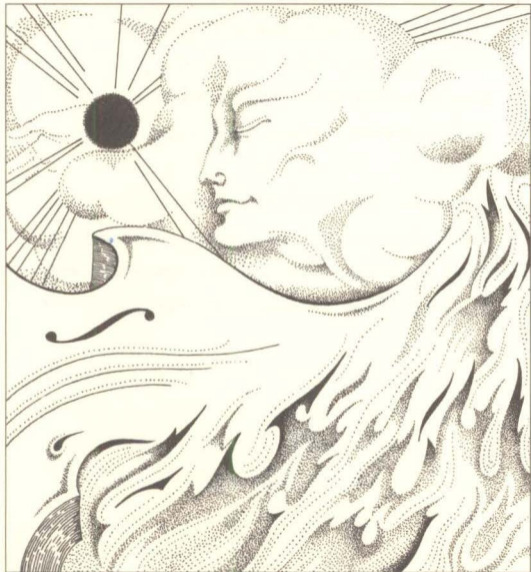
Так рассеяв свой век на мгновенья,
Сотней троп я иду по судьбе,
Сотней теней от собственной тени
В забыленном стеклянном сне,

И себя сквозь игру отражений
Тщусь найти в Семикрестье Огней,
В ускользающей суги мгновений,
В забыленном стеклянном сне,

Тщусь Любви изначальной дыханье
Слить с дыханием спящих сердец,
Стать сиянием в Божьем сиянье,
В забыленном стеклянном сне...

О, Душа! Легкокрылая птица,
Ангел мой, откровения свет,
Хоть на миг окрыли, хоть приснись мне...
В забыленном стеклянном сне!

О БОЛЬШОМ И МАЛОМ

«...я знал, что все сони тысяч фигур игры жизни лежат у
меня в кармане... Когда-нибудь я сыграю эту игру полчище.

Когда-нибудь я научусь смеяться... Моцарт ждал меня.»
Герман Гессе. Финал романа «Стенной волк»

1

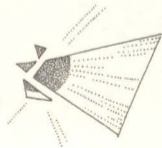
Когда утихнет плач рожка печали
И зазвучат Фанфары Бытия,
То будет знак торжественно-прощальный,
Что Месса жизни кончена моя.

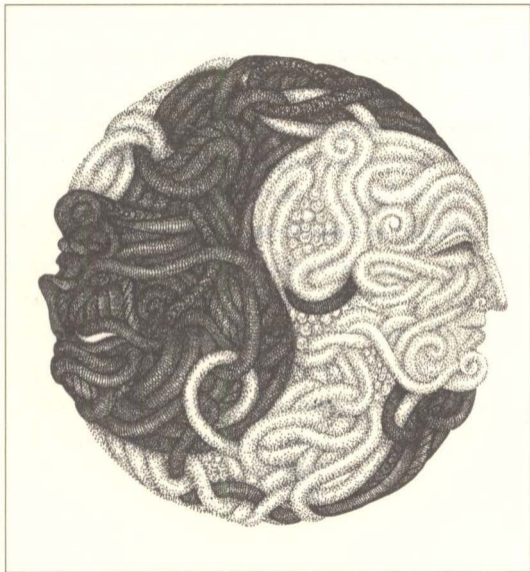
То будет миг, остановивший время,
То будет дар Волхвов моей судьбы,
То будет свет небесного прощенья
На крестный ход покинутой Души...

Я иел, как бог, но кто признает бога?
Где песня та? И кто был этот я?..
Как мелко все, запутанно и сложно
В больных узорах собственного «я».
Где та кантата, что дышала славой?
Куда ушел романс моей любви?
Где вер моих неверные хоралы?..

Все стало пылью в собственной пыли.

И вот парю, держу в ладонях солнце, —
Всего лишь звук в Симфонии Огня...
И может быть, меня услышит Моцарт
И вновь напишет Мессю про Меня.

НЕМНОГО О КАРМИЧЕСКОМ

Я только смертью жив, и не таю,
Что счастлив я своей несчастной долей...

Микеланджело

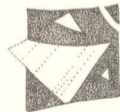
Я светом жив и погружен во Мрак,
И светом Мрак рисует отраженья:
Осколком Смерти я живу в мирах,
И сны «Я» вершат свое вращенье...

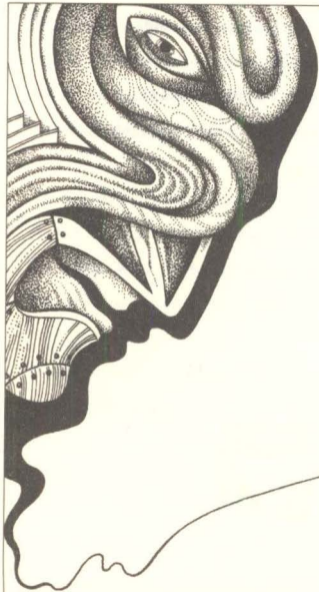
Мой Путь рожден из таинств Бытия,
Но в нем и есть тех тайн рожденья Тайна;
Ищу себя сквозь смерти многих «Я»,
Чтоб жизнью стать, когда Меня не станем.

То не беда, что мной владеет страх,
А то беда, что правит страх бедою;
На что мне жизнь, коль не нашел себя?
На что мне смерть, коль стал самим собою?

И страшно ль мне, что жизнью правит Рок?!
Нет... страшно мне, что Рок страшнее Смерти;
И в том ли счастье, что над нами Бог?
Нет... счастье — Бог, поющий в нашем сердце...

Я светом жив и погружен во Мрак,
И Мраком свет рисует отраженья:
Осколком счастья я живу в мирах,
Но сотни «Я» вершат свое вращенье...

ОН (I)

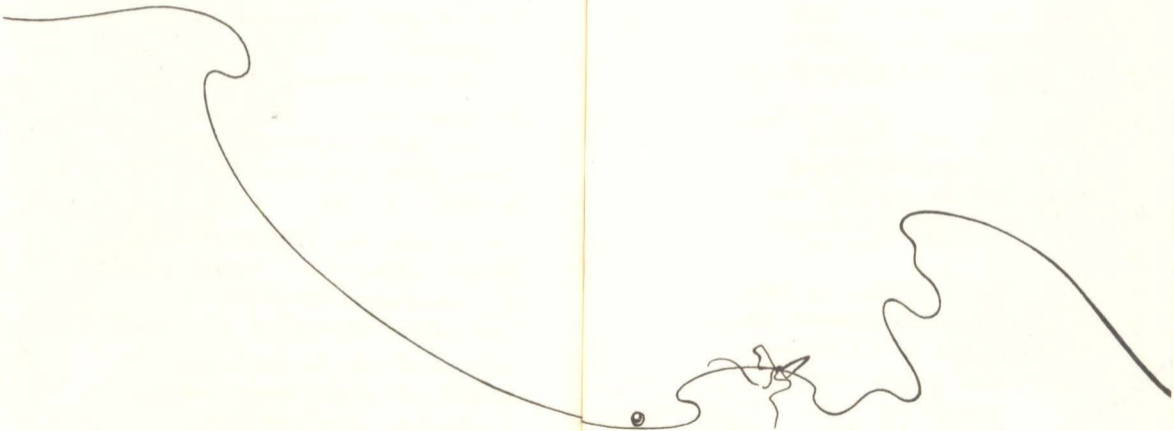
Элизейных аллюзий узел
И оплавленный плазмой алмаз,
Средрозвездного лобья узник,
Человеческий смотрит глаз.

Из кристалла в кристалл астрала
Сквозь лилово-люцидный хрусталь
Крылья белые распластала
Человеческая Душа...

Кто я? Крик над закатьем боли,
Вспышка радуги — на смертей скрижаль
Иль смарагдовой капли воли
Путь сквозь смальтовый веер калыи?..

Не узнать, что не знаю, зная, —
Я лишь лучи пыльнолучных светил,
И сознаньем миры пронзая,
Отраженьем живу своим.

(11)

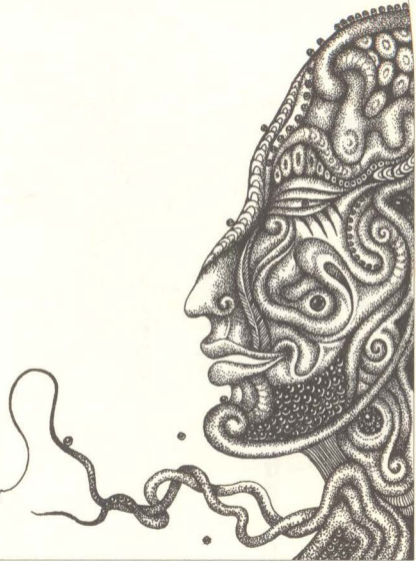

ОНА (III)

Лунный луч мне ласкает ладони,
Ищет лилой налитую грудь;
Мне с алоэвых звезд аналоя
Не прочесть его призрачный путь.

Я любовная песня Эола,
Я эонов прозрачная твердь,
Я пространства лилейное лоно,
Колыбель и забвенная смерть.

Я не знаю, что знаю, не зная,
Как с лицом нильнолунным грешу,
Как, янтарною каплей стекая,
Я на четках у Майи вишу.

БЕЛЫЙ СТИХ

Я вхожу в белый век, словно луну в горизонт,
Словно белое солнце в восходы,
Словно мудрость в весну или птица в отлет,
Или смерть в обновенье природы.

Вот в соцветье мгновений венец Красоты,
Недвижим в плывающем веке;
Все, что было со мной, исчезает как дым:
Я вхожу в свою белую вечность...

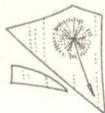
Отчего же Любовь в белом сердце моем
Пробивается больно и странно,
Будто свет огня через иней окон,
Будто кровь сквозь ожившие шрамы?

Отчего седина белых песен моих
Торжествует, как снег над полями,
Укрывая былые цветущие дни
Серебром моих нежных печалей?

Отчего ж одинок я, как белая ночь,
Что в бессоннице плачет по звездам,
Как в движении воды черный шпиль позолотом
Под холодным тумановым флером?

Отчего мой полет, будто лист на ветру,
Задохнулся алмазною пылью
И кружит свою смерть через белую мглу,
Белый танец отдав ей невинно?..

Отчего, отчего, отчего, отчего,
Отчего в Беловодье исхода
Бесконечное белое солнце мое
Так мучительно тонет в восходах?!

ПРОКОФЬЕВ. СКРИПичный КОНЦЕРТ.
ВАДИМ РЕТИН

На скрипичной дуге изгибается мир
И, дрожа, через струны скользит
По смычку, что тоскует, как пьяный самир,
И роняет охрипшую нить.

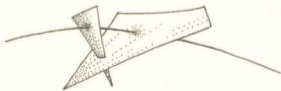
По веленью богов ли, крыла скрипача,
Поцелуев забвений и снов,
Упоительной ласки худого плеча,
Волховства обезумевших ног

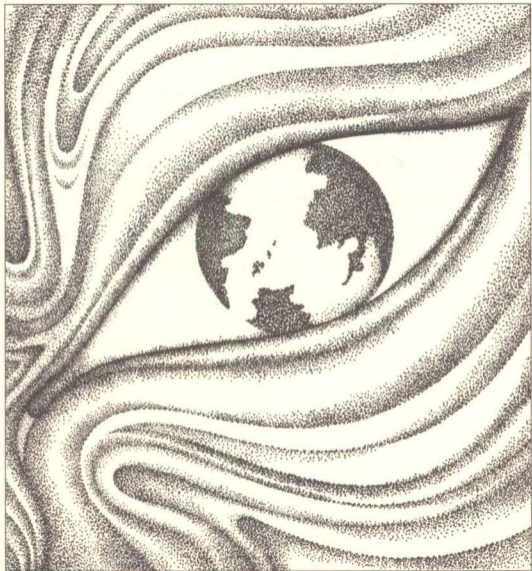
Изгибается мир на скрипичных колках,

Обнажая чужой горизонт,
Чей-то взгляд сквозь века в полярных полюсах,
И закат, и восход... И восторг,
И движение души на скрещенных лицах,
Вознесенье времен в забвении,
И рыдание воска на храменных свечах,
Улетающих в купол молитв...

Так поют анекдоты у смерти в саду,
Немой разрывая сердца,
Так взрывают сознание симфонии Бетховена
И объятия Христовы с креста...
Так на сколах миров, что у тлена в плену,
На краю, где сочится душа,

Капля крови живой вдохновляет струну
Человеческих душ на колках.

В плену пространств, забытых Богом,
В холодном прищуре времен
Земля — зрачок в глазнице года,
И человек — соринка в нем.

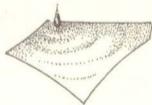
Ах, не слушай меня ты, не слушай,
Что могу я сказать о любви?
Я всего лишь случайный попутчик
Неслуцившихся житей твоих,

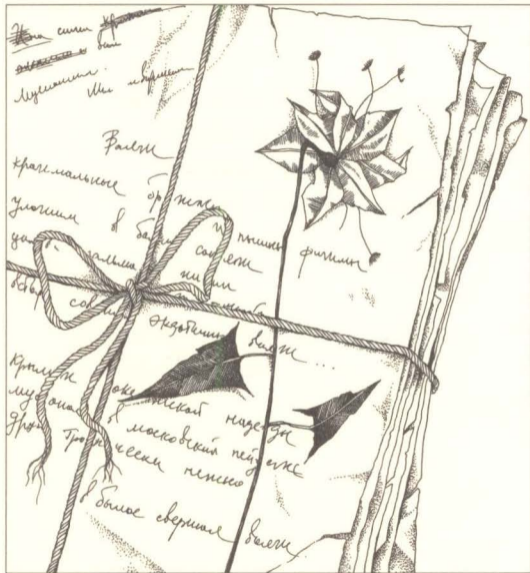
Я всего лишь диковинный шелом
Губ и раковин бездн мировых,
Я лишь эхо веков на дорогах,
Заблудившихся в сурьбах твоих,

Я лишь вздох, улетающий в пламя
Душ в момент предстоянья Любви,
Я поток, омывающий храмы
Сокровенных печалей твоих...

Так не слушай меня ты, не слушай
И стреми горделивый полет,
Моих ветров поющих воздушней,
Моих ярче серебряных вод,

И когда под крылом вдохновенным
Сотни крыл запоют о Любви,
Ты увидишь себя в отраженьях
Неслучившихся жизнью моих.

ВОЯЖ

Мы крахмальные брыжи и пшеничные фижмы
 Старомодно уложим в большой саквояж;
 В царство пальмовых хижин, на манговый Фигжи,
 Словно встарь, совершим экзотичный вояж...

И на синих крылах океанской надежды
 Мы вернемся муссоном в московский пейзаж,
 И полюбим друг друга, тропически нежно,
 Старомодно...

В былое свершая вояж.

СВЕТСКОЕ

То ли Бахус в хмелю, то ли грезящий Фатум
Наши жизни сплели в экзотичный роман:
Цумь горчат твои дни, как кумкваты в цукатах,
И душа моя ночь, как стаккато цикад.

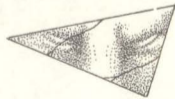
Светской жизни дурман соблазняет и нежит,
Томно тянем его, как «Мартины на льду»:
В уголках твоих губ жжется перец насмешек,
Я катаю маслину ироний во рту.

В бугарах любви куртуазной истомой
Жалит змей наслаждений в жаккардах страстей:
Твой опаловый блеск альных глаз алычовых
Тускло светит в короне стяжаний моей.

В модных храмах богем щеголяем мы верой
И богам эстетично курим фимиам:
Фермцары твоих колдовских эзотерик
Украшают мой пышный оккультный фиал...

Но в мгновенья, когда вдруг пахнет весной
Да в изломах души встанем кровью заря...

В изголовье твоем плачет Ангел Христовый,
Над моей головой птицы мрака парят.

...||

Я роняю слова, золотые, как листья,
Как осенний привет косоглазую луж,
Сотни маленьких солнц на карманные лица
И немного тепла нежным инеем душ.

И живут в тех словах скальдов льдистые саги,
Мед хафизов, бонтон менестрельных баллад,
Серенады горманных испанских жванов,
Святоотамственный Марсий и плацущий Пан.

И на крыльях стихов в души дальних и близких,
В их серебряный рок и алмазные сны
Драгоценных фантазий несущ аметисты
Из сокровищниц Майи, царицы судьбы.

Я парю, словно бог, среди дворцов их и храмов,
Отражаюсь огнем у жрецов в фиалах,
И читаю Любви золотые скрижали
Сквозь клубы фимиамов в цветных зеркалах...

И роняю слова, золотые, как листья,
Как осенний поклон нерожденной весне,
Сотни маленьких солнц, капли радужных истин
И немного тепла, что отпущено мне.

УЗЕЛКИ МАЙИ

Афюн — (араб.) опиум.

Бахус — латинская форма одного из имен Диониса, в греческой мифологии бога плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства, виноделия.

Беловодье — легендарная страна свободы в русских народных преданиях XVII—XIX вв. По мнению старообрядцев, она находилась где-то на востоке.

Бонтон — (франц.) светское приличие, светский тон, щегольство.

Брыжи — жабо, воротник или выпуск на груди в виде оборок.

Зурна — сурна, сурнай — праздничная флейта, духовой язычковый музыкальный инструмент. Распространен в Армении, Грузии, Азербайджане, Дагестане, Узбекистане, Таджикистане, странах Ближнего Востока. В Китае известен под названием сона. На Руси зурна бытовала до XVII в.

Казий — (араб.) судьба, единолично вершащий суд на основе шариата.

Кальпа — (санскрит) период мирового цикла, вообще цикл времени. Обычно представляет День и Ночь Браммы, или 24 000 «божественных» лет, соответствующих 8 640 000 000 человеческих.

Кифара — (греч. kithara), древнегреческий струнный щипковый музыкальный инструмент типа лиры.

Кумкват — мелкий (карликовый) апельсин, имеет плоды оранжево-желтого цвета, напоминающие сливу. По вкусу близок к мандарину. Плоды используются для варенья и цукатов.

Лал — (араб.) драгоценный камень, розовая шпинель, рубин. В персидской поэзии — символ цвет красавицы.

Лила — (санскрит) игра, все относительное, что описывается в терминах пространства и времени. Игра высших космических и природных сил.

Люцидный — состоящий из светящейся материи.

Майдан — площадь, место, поприще.

Майя — (санскрит) понятие древней и средневековой индийской философии. Имеет несколько значений; наиболее известное — богиня, олицетворяющая иллюзорность всего воспринимаемого мира, скрывающего под видимым многообразием свою истинную сущность (Брахмана) как единственную реальность.

Марсий — в греческой мифологии сатиры, подравший флейту Афродиты, овладевший искусством игры на ней и дерзнувший вызвать Аполлона на музыкальное состязание. Аполлон победил и в наказание содрал с живого Марсия кожу.

Муфтий — (араб.) главный судья, представитель высшего мусульманского духовенства, мусульманский правовед.

Нежить — все, что живет без души и плоти, но в виде человека.

Пан — в греческой мифологии первоначально бог — покровитель пастухов, затем всей природы. Изображался в виде человека с козлиными рогами, копытами и бородой. Однажды Пан влюбился в нимфу Сирингу, погнался за ней, но Сиринга взмолилась богам, и те превратили ее в тростник. В отчаянии Пан срезал тростник и сделал из него

свирель, дабы не расставаться с возлюбленной. С тех пор часто можно слышать печальную игру Пана, бродящего по лесам.

Пери — (араб.) добрая фея, ангел, поэтический образ женщины пленительной красоты и чарующего обаяния.

Птица Хумай — (араб.) вещая птица, гамаюн.

Ринд — (араб.) беспечный цыгак, завсегдамайвинных погребков, противопоставляющийся в персидской поэзии святошам и ханжам, поэтический образ вольнодумца.

Скальды — норвежские и исландские поэты — певцы и воины IX—XIII вв. н.э.

Смальта — цветное стекло в виде небольших (1 — 2 см³) кубиков или пластинок, применяемое для изготовления мозаик.

Смарагд — изумруд.

Стаккато — (итал. staccato — отрывисто) короткое, отрывистое исполнение звуков.

Фарсанг — (араб.) старинная мера глины в Иране; величина непостоянная, так как за единицу обычно принимается расстояние, которое можно

преодолеть за один час пути по конкретной дороге. Различаются «тяжелые» и «легкие» фарсанги в зависимости от удобства дороги.

Фатум — у древних римлян олицетворение судьбы; у стоиков — сила, управляющая миром.

Фермцар — застежка на ожерелье или ожерелье из драгоценных камней с застежкой, а также застежка альбома, книги и т. п.

Фиал (фиала) — (греч. phiale) древнегреческая металлическая, реже глиняная чаша для пиров и возлияний богам. Украшалась росписью или рельефами.

Фижмы — (нем. Fischbein — китовый ус) принадлежность женской одежды XVIII и XIX вв. — широкий каркас в виде обруча, вставлявшийся под юбку у бедер для придания пышности фигуре.

Хафиз — (араб.) народный певец и сказитель.

Чанг — (араб.) древняя иранская угловая арфа. Узбекский, таджикский музыкальный инструмент типа цимбал.

Элизей — (латин. Elysium) Элизиум, Элизий. В античной мифологии — место пребывания душ умерших, то же, что Елисейские поля.

Эол — в античной мифологии бог — повелитель ветров.

Эоны — (греч.) вечность. Означает очень продолжительное, но принципиально конечное состояние времени и всего мира во времени. Вся история человечества составляет один Эон.

- С Иллюзии к графике — А. Злобинский.
Л Иллюзии к стихам — И. Багаева.
К Иллюзии страниц — А. Горчаков.
К Иллюзии книги — С. Панченко, В. Денисов
Х типография «Тү Принт».
Х. Звенья цепи — О. Хайам, Э. Злобинский,
Ч. С. Савошинский, Е. Фессалоницкий,
У: И. Стрелкова, О. Раевич, Ю. Сошникова,
т С. Дымченко, О. Щербатых.
Эл Зеркала — Ю. Сошникова, Т. и Д. Мухины,
В О. Раевич, «Я», И. Коржев, Л. Султанова,
цн Л. Злобинская, Т. Фессалоницкая,
Е. Эйдинова, О. Сошникова.

... КОТОРЫХ НЕТ